
АКАДЕМИЯ
«ВЕЙЛХАРТ»
КНИГА ВТОРАЯ
ПРАВО
НА СИЛУ
РОББИ ДУАС

Робби Дуас

Академия «Вейлхарт». Право на силу

«Автор»
2026

Дуас Р.

Академия «Вейлхарт». Право на силу / Р. Дуас — «Автор», 2026

После разрушения секретной программы «Контур» Академия «Вейлхарт» обещает ученикам безопасное будущее. Артёму Лазареву уже восемнадцать, и впервые за долгое время он мечтает не о спасении мира, а об обычной жизни рядом с Евой Морозовой.Но с началом нового учебного года в Академии появляются браслеты «Маяк» — устройства, призванные предотвращать опасные всплески сверхспособностей. Пока руководство говорит о революции в безопасности, Артём и его друзья замечают странную закономерность: сила, исчезнувшая в одном месте, словно обрушивается на другое.В городе происходят необъяснимые аварии. Новые ученики боятся говорить правду, документы исчезают, а за обещаниями защиты скрывается система, в которой чужая жизнь может стать допустимой ценой.Артёму и Еве предстоит не только раскрыть опасный обман, но и понять, что настоящая близость требует доверия — особенно тогда, когда привычная сила уже не может решить всё за них.

© Дуас Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Испытание без зрителей 6
Часть первая. Снова сентябрь 7
Глава 1. День открытых дверей 7
Глава 2. Проверка на прочность 11
Глава 3. Номер четырнадцать 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Академия «Вейлхарт». Право на силу

КНИГА ВТОРАЯ

Пролог. Испытание без зрителей

В ночь перед открытием Академии инженер Илья Багров попросил охранника не выключать свет в пустом испытательном павильоне.

— Никого же нет, — возразил охранник. — Завтра всё равно начнут проверять.

— Именно поэтому сегодня и надо проверить.

Он говорил спокойно. За сорок пять лет научился не повышать голоса даже тогда, когда люди мешали ему работать. За стеклом испытательной камеры стояла стальная тележка на четырёх колёсах, рядом — манекен с оранжевыми полосами вместо рёбер. С потолка свисал массивный груз на тросе. Ничего необычного: такую установку мог собрать любой политехнический колледж, если ему разрешить нарушить пару правил безопасности.

Багров включил питание. На запястье манекена вспыхнул зелёный огонёк. Экран выдал: «ПОДАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ГОТОВО».

— Проверка без оператора? — спросил техник, занимавшийся датчиками.

— С автономным оператором. Это разные вещи.

Груз отпустили. Он качнулся, разрезая воздух. За мгновение до удара браслет на манекене пискнул, и тележка под грузом почти незаметно сдвинулась вправо. Груз разбил ограждение. Манекен остался цел.

— Сработало, — сказал техник.

Багров не ответил. Он смотрел на соседнюю стену, где от удара пошла тонкая трещина.

— Система отвела импульс, — пояснил техник. — Перенесла его на разгрузочную раму.

— На какую именно?

Тот наклонился к монитору. Несколько секунд листал записи, потом нахмурился.

— В журнале указан резервный канал. Но там нет рамы. Там городской кабельный короб.

— Он всё равно должен выдержать.

— А если не выдержит?

Багров открыл окно отчёта и заменил слово «городской» на «технологический». Оба слова были технически возможными. Просто одно из них легче согласовывалось с заказчиком.

— Завтра в Вейлхарте будут дети, — напомнил техник.

— Именно ради них мы это делаем, — ответил Багров.

Он ещё раз посмотрел на трещину. На бумаге её не будет. Испытания без зрителей для того и нужны, чтобы на публике всё выглядело безупречно.

Часть первая. Снова сентябрь

Глава 1. День открытых дверей

К сентябрю Артём Лазарев научился трём вещам, которые раньше считал бессмысленными: просыпаться без будильника, аккуратно сушить перчатки после тренировки и не отвечать на каждое упоминание собственной фамилии.

Последнее давалось труднее всего.

У западных ворот Вейлхарта стояли родители и будущие студенты. На очное обучение в этом году принимали с восемнадцати лет; для тех, кто младше, Академия сохранила отдельную подготовительную программу. Кто-то фотографировал старый учебный корпус с башенками, кто-то пытался выяснить, почему на территории не работает обычная навигация, хотя на бумажных указателях всё было ясно. У высокой девушки с тяжёлым чемоданом из ладони то и дело сыпались синие искры; её отец притворялся, будто не замечает, но сжимал ручку чемодана двумя руками.

Артём нёс коробку учебных журналов и собирался проскользнуть мимо. Не вышло.

— Это он, — прошептал первокурсник в синей куртке. — Который башню спас.

— Башню скорее разрушили, — машинально поправил Артём.

Парень покраснел. Артём хотел добавить, что разрушение тоже иногда бывает частью спасения, но понял, как странно это звучит, и оставил объяснение при себе.

На территории всё было привычным и новым одновременно. Участок, где прежде стояла северная башня, ещё ограждали строительные щиты, но за ними уже подрастал сад — рябина, посаженная весной вместе с Евой и Данилом, прижилась, хотя листьев на ней было меньше, чем хотелось бы. После отстранения Орлова обязанности директора временно принял Николай Ветров — тот самый сотрудник приёмной службы, который когда-то встретил Артёма в больнице. Административный корпус украсили большим объявлением: «Никакие учебные или исследовательские процедуры не проводятся без информированного согласия». Бумагу поместили под стекло, словно опасались, что кто-нибудь случайно сотрёт обещание рукой.

— Ты опять разговаривал с первокурсниками о катастрофах? — спросила Ева, догнав его у лестницы.

У неё были собраны волосы, а на плече висела сумка с учебниками. Артём успел заметить, что она перестала каждый день смотреть на двери медицинского блока, прежде чем ответить.

— Только о ремонте. Я теперь источник оптимизма.

— Не злоупотребляй. Тебе не идёт.

Она коротко коснулась его ладони, и он почувствовал знакомое облегчение: Ева рядом, не в виде воспоминания о страхе, а просто потому, что решила прийти вместе с ним. Они условились завтракать до занятия, но новый учебный год уже заставлял обоих нарушать собственные планы.

В старом актовом зале разворачивали столы для родительского собрания. На стене ещё висели фотографии предыдущих выпусков: не парадный ряд героев, а люди с неловкими улыбками, криво завязанными галстуками и преподавателями, которые старались не моргнуть в момент снимка. Артём остановился возле одной из последних фотографий. Весной ему казалось, что здесь никогда больше не будет выпускного. А теперь кто-то спокойно расставлял стаканы и проверял микрофоны.

Елена Лазарева позвонила, когда он переносил коробку с учебниками. Мать спросила, получил ли он свою комнату на новый год и не забыл ли тёплую куртку. Он ответил, что у него

всё хорошо, и сам спросил, как у неё дела на работе. Разговор длился всего четыре минуты. Ни слова о погибшем Павле, ни слова о «Контуре». Артём поймал себя на неожиданной мысли: раньше его раздражало, что мать умеет обходить тяжёлые темы; теперь ему нравилось, что у них есть и лёгкие.

Ещё в июле Артёму исполнилось восемнадцать. Мать предложила отметить день рождения дома, с тортом и старыми друзьями. Он согласился, а потом полвечера ловил себя на странной привычке: прежде чем дотянуться до чашки или придвинуть стул, прикидывал, какая сила понадобится и куда уйдёт лишний импульс. Лёха заметил и велел перестать считать даже ложки. От этого замечания Артём впервые за долгое время почувствовал себя не особенным, а просто смешным.

Теперь, накануне нового семестра, он разбирал вещи в комнате общежития и нашёл внутри учебника бумажную салфетку с рисунком кривой звезды. Ева нарисовала её прошлой зимой, пока они сидели в больничном коридоре и ждали новостей о Даниле. На другой стороне стояло: «Когда всё закончится, съедим нормальную пиццу». Они до сих пор не исполнили обещание. Как оказалось, проще остановить опасный эксперимент, чем выбрать вечер, который никому не понадобится для срочного дежурства.

В дверь постучали. Ева вошла с двумя бумажными стаканчиками и пакетом булочек. Ей недавно исполнилось девятнадцать, но Артём редко вспоминал об их возрасте. Рядом с ней он то чувствовал себя взрослым, способным отвечать за последствия, то терял уверенность из-за обыкновенного вопроса: хочет ли она остаться ещё на десять минут.

— Твой ужин, — сказала она. — Если ты называешь это разбором вещей, я не хочу видеть, как ты устраиваешь беспорядок.

— А где обещанная пицца?

Ева увидела салфетку в его руке. На мгновение выражение её лица смягчилось.

— Я помню, — сказала она. — Просто хочу, чтобы в этот раз у нас не было повода торопиться.

Они ели булочки сидя на полу, среди неразобранных коробок. За окном зажигались окна других комнат. Артём рассказал, как испугался во время летней поездки домой: прохожий уронил тяжёлую сумку, и он едва не бросился её перехватывать. Ева призналась, что тоже иногда пытается контролировать слишком многое. Они говорили негромко, без вчерашней необходимости изображать героев.

Когда Ева уходила, он поцеловал её возле двери. Она задержала его за ворот рубашки, ответила и тут же отстранилась со смешком:

— Завтра занятия в восемь. Если не выспишься, виновата буду я.

Артём закрыл дверь и ещё долго смотрел на салфетку. Впереди был учебный год. Впервые ему хотелось, чтобы в нём случилось нечто хорошее, чего не придётся заслуживать очередной катастрофой.

В общежитии Семён объявил небольшую реформу. На дверце холодильника висело расписание дежурств, написанное маркером. Рядом — список вещей, которые категорически нельзя делать со сверхспособностями: размораживать мясо электричеством, открывать банки силовым полем, охлаждать напитки за счёт отопительной трубы.

— Последний пункт я придумал после твоей вчерашней идеи, — сказал Семён, заметив Максима у двери.

— Я предлагал проверить температуру, — возразил тот. — Это не преступление.

— Пока никто не закончил разговор в травмпункте.

Алиса принесла бумажные фонарики для завтрашнего вечера первокурсников. Она попросила Артёма помочь развесить их над столами и не использовать дар, чтобы ускорить работу: после первых же экспериментов нитки спутались, а несколько фонариков упало в рако-

вину. Они вчетвером полчаса стояли на стремянках, спорили о высоте и смеялись из-за того, что самая сложная операция нового учебного года оказалась совершенно обычной.

— Не думал, что буду скучать по этому, — признался Артём, когда последний фонарик повис ровно.

— По лестнице? — уточнила Алиса.

— По вечеру, в котором никто не пытается спасти мир.

Она посмотрела на него внимательно, но без своей привычной попытки почувствовать чужую эмоцию.

— Тогда постарайся не испортить его в первый же день.

Именно после этой фразы они вышли на площадь и увидели стенд с новыми браслетами. Артём ещё улыбался, когда начал читать рекламный плакат.

На главной площади установили стенды новой программы безопасности. Их привезла фирма «Маяк-Системы», победившая в открытом конкурсе. Тонкие серые браслеты, похожие на спортивные датчики, обещали предупреждать о неконтролируемых всплесках дара. В рекламной листовке была изображена довольная девушка рядом с прибором, показывавшим зелёную полоску.

— Не нравится мне эта картинка, — сказала Ева.

— Потому что девушку рисовали люди, которые ни разу не видели твоё выражение лица перед экзаменом?

— Потому что сверху написано «Безопасность гарантирована». Невская за такую формулировку заставила бы переписывать отчёт.

У стенда стоял Максим Волков. Его правая рука всё ещё иногда подрагивала после ожога, полученного в северной башне, но за лето он научился прятать это движение, когда нервничал. Теперь он не прятал. Внимательно рассматривал крепление браслета.

— Три датчика, — сказал он, заметив Артёма. — Температура, электрический фон и нечто, чего они не называют. А в инструкции написано, что прибор не вмешивается в сам дар.

— Спросим, — предложила Ева.

— Уже спрашивал. Сказали, что алгоритм защищён коммерческой тайной.

Артём посмотрел на объявление о согласии, висевшее над ступенями. Слова были красивыми. Но он помнил, как легко одна подпись превращалась в разрешение сделать с человеком то, чего тот не понимал.

У входа появилась девушка с тёмной стрижкой и огромным жёлтым шарфом. Она тащила за собой чемодан, у которого на каждом стыке плитки гремело колесо. Внезапно чемодан перестал греметь. Будто кто-то выключил звук у всей дороги. Девушка остановилась, с удивлением уставилась на ручку, затем резко выпустила её.

Грохот вернулся.

— Слышал? — спросила Ева.

— Да. То есть сначала не слышал.

У девушки на запястье не было браслета. Она посмотрела по сторонам, заметила, что на неё глядят, и быстро направилась к приёмной.

Артём не двинулся за ней. В прошлом году он счёл бы это началом страшной тайны. Теперь он просто записал в телефон: «Первокурсница. Жёлтый шарф. Пропадает звук колёс». И добавил: «Возможно, собственная способность. Не делать выводов без разговора».

На первом звонке новый учебный год действительно казался новым.

Уже после отбоя Артём поднялся на третий этаж старого корпуса, где оставили открытой дверь школьного музея. Там пахло картоном, мастикой и древесиной старых рам. На стене висели фотографии выпусков, на которых люди улыбались так уверенно, будто заранее знали, чем закончится их жизнь. Артём искал снимок прошлого года, но его не было. После истории с

«Контуром» администрация решила не превращать пострадавших учеников в отдельную витрину.

На узком подоконнике лежала забытая кем-то открытка. На обороте карандашом значилось: «Добро пожаловать. Здесь можно ошибаться и оставаться человеком». Артём прочитал фразу дважды, не решаясь назвать её красивой. За прошлый год он убедился, как легко эта мысль исчезает, когда кто-то получает травму и вокруг собираются люди с готовыми обвинениями.

— Ты специально выбираешь самые мрачные места для размышлений? — услышал он за спиной.

Ева стояла в дверях, держа два бумажных стаканчика. На ней был старый синий свитер и домашние тапочки. В таком виде она совершенно не походила на грозу тренировочной площадки.

— Проводил ревизию исторической памяти, — ответил Артём. — Музей пока не готов к нашему поколению.

— Наше поколение пока не готово к музею. Держи какао.

Они сели на подоконник. Ева сказала, что разговаривала с Данилом: он сам настоял на увеличении времени занятий в реабилитационном центре и попросил сестру не проверять ежедневно его показатели. Артём услышал в её голосе гордость, но и обиду на то, что помощь перестала быть необходимой каждую минуту.

— Когда человек выздоравливает, — сказала Ева, глядя в стакан, — тебе приходится заново учиться быть ему нужной.

— Может, не нужно быть нужной каждую минуту. Можно просто быть рядом, когда позовут.

Она повернулась к нему.

— Ты вечно говоришь разумные вещи, когда я не хочу их слышать.

— Запомню. В следующий раз скажу что-нибудь глупое.

Ева коснулась его запястья. Артём подумал о том, как недавно ему исполнилось восемнадцать: без торжества, с крошечным пирогом из столовой и видеозвонком домой. Возраст не принёс готовой инструкции. Зато позволил впервые самому подписывать многие бумаги, и это почему-то пугало сильнее тренировок.

Снизу донёсся звук шагов дежурного. Они поднялись почти одновременно. Перед уходом Артём поставил открытку обратно на подоконник, но сфотографировал надпись. Ему захотелось проверить, способна ли Академия жить по этим словам в новом учебном году, когда никто не обещал им ни спокойствия, ни окончательных ответов.

Глава 2. Проверка на прочность

Зоя Невская встретила старшую группу на площадке для контроля импульса. Вместо приветствия предложила всем сложить телефоны в ящик и выдать по листу бумаги.

— Опишите два случая, когда вы остановились, хотя могли продолжать воздействие, — сказала она. — Никаких героических историй. Мне интересны бытовые решения.

Семён первым поднял руку.

— Я не сделал скользкой лестницу к столовой, хотя очень хотел. Это засчитывается?

— Если в прошлом месяце вы уронили на ней повара — вряд ли.

— Он сам оступился. Я просто обеспечил условия.

Группа засмеялась. Артём написал, что не использовал дар, чтобы открыть заклинившую дверь в общежитии, а позвал дежурного. Второй случай не приходил в голову. Он поймал взгляд Евы: та упрямо заполняла лист, чуть прикусив губу.

Невская собрала ответы и только потом объяснила, что сегодня будут испытывать новые защитные браслеты. Студенты вправе отказаться без последствий для оценок; комиссия наблюдателей будет присутствовать на занятии.

— Вы сами их проверяли? — спросил Максим.

— Проверяла документацию и условия испытания. Проверить устройство в одиночку мне пока не позволили. Я об этом написала в заключении.

На дополнительном занятии Невская устроила им то, что позже назвали «двадцать минут здравого смысла». Она принесла в аудиторию три обычных предмета: теннисный мяч, велосипедную спицу и тяжёлую книгу. Попросила каждого назвать, что произойдёт, если убрать одну из действующих сил.

— Книга упадёт, — сказал Семён.

— С чего ты взял, что я собираюсь убирать гравитацию? — спросила преподавательница.

— Потому что вы всегда начинаете со сложного.

Невская положила книгу на стол. Вместо лекции заставила их перечислить опоры, поверхности, движение воздуха, действие мышц. Ева говорила мало: она могла влиять на локальные поля, но раньше других поняла, как легко перепутать небольшую коррекцию с полной защитой. Артём записал в тетради: «Удержать — не значит сделать безопасным». После прошлогоднего «Контура» эта фраза приобрела для него неприятную ясность.

На испытательной площадке браслет показывал зелёный индикатор даже тогда, когда мячик под действием внешнего импульса сдвигал деревянную рамку сильнее, чем ожидали преподаватели. Прибор сообщил: «Система стабилизирована». Невская не стала спорить с экраном. Она поставила рядом обычную линейку и попросила замерить реальное смещение.

— Три сантиметра, — произнёс Максим.

— Для нашего стенда это допустимо. А если бы там стояла нога? — спросила Невская.

Никто не ответил. Даже Семён перестал шутить.

Позже Артём увидел, как младший ученик с огненным даром пытается спрятать дрожащие пальцы, потому что браслет уверенно сообщает о «безопасном режиме». Артём присел рядом и сказал, что устройство не обязано чувствовать усталость человека, если в нём нет соответствующего датчика. Парень признался, что боль появилась ещё до начала испытания, но он боялся выглядеть слабым.

Когда ученик ушёл к врачу, Артём впервые разглядел браслет как обещание, написанное слишком мелким шрифтом. Внешний вид успокаивал. Голос прибора говорил «всё под контролем». Но контроль, у которого нет вопроса «как ты себя чувствуешь?», напоминал не заботу, а желание отгородиться от неприятного ответа.

Двое внешних экспертов устроились за стеклом. Один был невысокой женщиной в сером пиджаке; она не отрывалась от записей в блокноте. Второй, представившийся инженером фирмы, улыбался слишком уверенно.

Артёму выдали браслет номер четырнадцать. Он надел его поверх манжеты формы, почувствовал холод металла и проверил, что застёжку можно расстегнуть одной рукой. На тренировочном столе лежали мягкие грузы. Задача была прежней: не остановить движение, а безопасно направить его в защитную ловушку.

Первый груз ушёл вправо. Второй — немного левее. На третьем браслет тихо пискнул.

На долю секунды Артём перестал видеть привычную линию усилия. Не ослеп и не потерял сознание; просто вместо ясного движения перед ним возникла грязная, расплывчатая полоса. Мяч ударил по щиту. За щитом что-то коротко загудело.

— Стоп, — сказала Невская.

Артём снял браслет. Линия снова стала различимой, когда ассистент осторожно покатил четвёртый груз по столу.

— Что именно изменилось? — спросила преподавательница.

— Не сила. Я перестал понимать, куда она идёт.

Инженер за стеклом уже показывал на экран.

— Это нормальная работа фильтра, — произнёс он. — Устройство снижает опасность неконтролируемой реакции.

— Откуда вы знаете, что реакция была бы неконтролируемой? — спросила Невская.

— Алгоритм определяет прогноз.

— На основании каких данных?

Инженер посмотрел на женщину в сером пиджаке. Та молча поставила галочку напротив одного из пунктов.

В конце испытания комиссия предложила назвать опыт успешным. Невская настояла на формулировке «требует независимой проверки». Максим отказался подписывать групповое согласие на ежедневное использование. Семён пошутил, что браслет стоит хотя бы научить показывать время, раз уж его собираются носить постоянно.

В раздевалке после испытания оказалось неожиданно шумно. Студенты спорили не о том, хорошо ли Артём справился с грузами, а о том, должен ли прибор вмешиваться до совершения опасного действия. Первокурсник, получивший направление на обследование после слабого электрического разряда, утверждал, что готов носить браслет постоянно. Девушка с даром кратковременного ускорения отвечала, что вчера устройство пискнуло, когда она просто потянулась за сумкой.

— Ты мог неправильно его надеть, — сказал кто-то.

— А может, инженеры неправильно его сделали, — отозвалась она.

Артём не вмешался сразу. Он сел на скамью и стал осторожно сгибать пальцы. Из-за прошлого года боль в кисти появлялась иногда без всякой причины, а сегодняшний сигнал прибора напомнил ему момент в «Контуре», когда он едва не принял чужой импульс на себя. По-настоящему страшным было не покалывание, а короткая потеря привычной ясности. Он несколько месяцев учился не бросаться на любую движущуюся линию. Теперь какое-то устройство решило, что вправе подсказать ему, какую линию вообще видеть.

Вечером Невская провела разбор упражнения без присутствия поставщика. Каждый студент описывал не то, что, по его мнению, должно было произойти, а лишь наблюдаемое: звуковой сигнал, расплывчатая линия, удар груза, показания датчиков. Преподавательница особенно настаивала, чтобы слова «подавление» и «вмешательство» не появлялись без уточнения, что именно подавляли и куда вмешивались.

— Если вы не понимаете механизм, — сказала она, — лучше написать «не понимаю», чем придумывать красивое объяснение. Красивые объяснения слишком легко становятся официальными.

Артём заметил, что Максим делает пометки совсем рядом со своими ощущениями. У него на листе было написано: «Браслет показал предупреждение до того, как возникла искра. Проверить задержку».

После занятия Артём подошёл к Еве. Она стояла у окна и наблюдала, как с тренировочной площадки выносят грузы.

— Ты не надевала браслет, — заметил он.

— Я отказалась. Пока не пойму, что он измеряет. И это не значит, что другим нельзя согласиться.

Он кивнул. Ева коротко коснулась его запястья и спросила, болит ли рука. Артём честно ответил, что немного. Она не предложила немедленно всё отменить; только посоветовала зайти в медпункт до следующего занятия. Он пообещал.

Через окно было видно, как техник снимает щит с креплений. На стене за ним мелькнула тонкая светлая полоска. Артём решил, что это обычная царапина, но, когда вышел из здания, всё-таки вернулся, чтобы посмотреть ближе. Именно тогда и заметил трещину.

После обеда Артём вернулся на полигон один. Защитный щит стоял в прежнем положении, но на стене рядом с ним была узкая трещина, которой раньше не было. Он помнил звук после третьего мяча: глухой, будто удар произошёл не по щиту, а где-то за ним.

Он сфотографировал трещину и позвонил Невской.

— Я не хочу делать из неё сенсацию, — сказал он. — Но если прибор отводит нагрузку, она должна куда-то уходить.

— Именно, — ответила она. — Не трогай ничего до осмотра. И сохрани оригинальный файл фотографии.

Впервые за долгое время Артём почувствовал страх не перед собственной силой, а перед вещью, которую придумали, чтобы с этой силой справиться.

Вечером Невская устроила факультатив, на который пришли не самые сильные студенты, а те, кто больше всего спорил о браслетах. На доске она нарисовала вагон трамвая, три опоры и красную стрелку, упирающуюся в металлический стык.

— Представим, что вы умеете изменить направление усилия. Что произойдёт с тем местом, куда оно придёт? — спросила преподавательница.

Первым поднял руку Егор, ещё не привыкший выступать перед старшими.

— Если оно меньше допустимого, ничего.

— Неплохой ответ. Как узнаем допустимое?

— Посчитаем.

— Кто?

После паузы Максим назвал инженера, который отвечает за конструкцию. Невская подчеркнула его ответ. Потом попросила Артёма показать, как он видел бы стрелки на реальной площадке. Он встал перед доской и долго не мог объяснить словами ощущение, которое прежде считал естественным. Силовые линии не выглядели светящимися нитями; скорее, перед движением он различал множество возможных траекторий, как человек различает наклон пола, даже не глядя себе под ноги.

— Ты можешь заметить путь, но не всегда знаешь, что выдержит конечная точка, — подытожила Невская.

Артём кивнул. В прошлом году именно эту разницу ему почти никто не объяснял. Все хотели узнать, сколько он способен удержать, и гораздо реже спрашивали, куда потом денется удар.

На стол поставили деревянную конструкцию из реек и резиновых амортизаторов. Сначала её нагрузили обычными грузами. Егор переставил одну распорку, и модель выдержала. Затем ту же массу переместили всего на ладонь — верхняя рейка переломилась с коротким сухим звуком. Семён вздрогнул сильнее остальных.

— Она ведь вроде была крепкой, — пробормотал он.

— Была, — согласилась Невская. — Пока мы не изменили условия.

Ева попросила разрешения попробовать не силу, а обратный эксперимент: уменьшить вес небольшой части конструкции. Она держала поле недолго, пока Максим измерял отклонение. Рейка перестала прогибаться, но весы под соседней опорой показали неожиданное увеличение давления.

— Вот и ответ, — сказала Ева и первой сняла воздействие. — Никто не отменил остальную конструкцию.

После занятия студенты не расходились. Они спорили, можно ли назвать ограничение свободы защитой, если запрет вводит тот, кто не умеет объяснить условия. Артём слушал, не вмешиваясь. Факультатив закончился не общей резолюцией, а запиской в журнале: «Для испытаний носимых устройств необходима схема внешней нагрузки, понятная независимому инженеру». Невская сфотографировала лист, но попросила никого не объявлять победителем. Пока это было всего лишь правильно сформулированное требование.

Глава 3. Номер четырнадцать

Максим пришёл в лабораторию раньше преподавателя. На столе лежали схемы браслетов; ему удалось получить их в рамках студенческой комиссии по безопасности. Он внимательно переписывал маркировку чипов в отдельную тетрадь, потому что не доверял скриншотам, откуда можно стереть неудобную строку.

Артём застал его за разбором корпуса учебного образца.

— Ты его украл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.